

Сатана музицирует

«Другое тело» Милорада Павича

газета 2007-26-28 апр с 18

КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

Это тот случай, когда магическое имя автора заставляет ожидать многого. Казалось бы, Павичу, превратившему прозу в интерактивную игру, отступать некуда: после романа-лексикона, романа-кроссворда, романа-клепсидры и романа-дельты читатель вправе надеяться только на какой-нибудь роман-табакерку. Однако на этот раз сербский классик экспериментирует не с возможностями литературы, а со своими собственными: он написал книгу, начисто лишенную запатентованных формальных ходов.

Действие, как водится, строится на чередовании и перекличке нескольких исторических периодов, а в основе событий лежит сокровенная загадка, с которой так или иначе имеют дело все герои. Впрочем, связь между эзотерическим посылом и сюжетом, мягко говоря, неочевидна. В конце первой части книги впервые возникает мысль о том, что у каждого человека, равно как и у Иисуса Христа, есть мистическое второе тело, выступающее дублером первого и альтернативой ему. Эта тема появляется в разговорах преуспеваю-

МИЛОРАД ПАВИЧ. ДРУГОЕ ТЕЛО / ПЕР. С СЕРБ. Л. САВЕЛЬЕВОЙ. — СПБ.: АЗБУКА-КЛАССИКА, 2007. — 336 с.

щего сербского писателя и его жены Лизы, счастливо живущих в современном Белграде.

Однако основной катализатор действия — три магических атрибута, которые появляются при самых разных обстоятельствах. Каменный перстень меняет цвет в зависимости от будущей судьбы

человека. Красный цвет обозначает счастье, зеленый — здоровье, а синий — любовь. На дне старинного бокала обнаруживается стихотворная строчка на непонятном языке, а затем выясняется, что подобные строчки издавна являются предметом бойкой торговли и на самом деле представляют собой отрывки из «Божественной комедии» Данте, переписанные справа налево. А в городе Эфесе есть три ключа, вода из которых, называемая слезами Богородицы, может соответствовать трем вариантам судьбы так же, как цвета перстня. Существует старинный обряд гадания, для которого необходимы как перстень и стихи, так и вода.

Разумеется, всю эту атрибутику элементарно можно соотнести с мистикой другого тела — точно так же, как, например, свободу воли с чернильницей. Фантазия Павича, как всегда, прихотлива, и порой ощущается опасная близость той границы, за которой начинается уже не загадочность, а надуманность. Но автор обаятельно заговаривает нам зубы, смешивая магию и богословие в двух прекрасных написанных эпизодах из XVIII века, для которых с легкостью рек-

рутируются не очень известные реальные исторические лица. Монах Гавриил Стефанович-Венцлович, живший в Венгрии, завладевает гадательным перстнем и вплотную занимается проблемой другого тела Христа. Выясняется, что после воскресения Учителя ученики не узнали его именно потому, что он явился им в другом теле. А писатель Захария Орфелин, работающий в Венеции, вместе со своей возлюбленной идет по следу перстня, воды и бокала с неясным изречением.

Несмотря на отсутствие кроссвордов и клепсидр, новый текст Павича все же похож на прежние. Он напоминает богатую лавку, одновременно антикварную и бакалейную, основное свойство которой — богатый выбор. Рядом с сокровенными тайнами бытия обнаруживаются туристические маршруты, пленительные пейзажи, магазин Cartier и соблазнительные меню, эзотерика непридуманно соседствует с эротикой, а теологические разговоры становятся аккомпанементом к гламурной жизни; недаром сербский писатель, alter ego автора, замечает: «Мои книги как шведский стол». Не говоря уже о том, что

у Павича по-прежнему легкое перо и удивительно приятный слог, который подходит для описания чего угодно.

Своей привлекательностью роман «Другое тело» во многом обязан как плотным духовидческим пассажам, так и характерному гротеску. Дочитав до сна сербского писателя, в котором ему является трехногий сатана в виде маленькой девочки, играющей на скрипке, прощаешь Павичу определенную долю банальности и невнятности. Легко прочитываемая рефлексия над собственной литературной судьбой добавляет трогательности: писателю пригрезился экземпляр «Внутренней стороны ветра», валяющийся в луже. И все же в «Другом теле» отсутствует одна важная вещь, а именно беспрецедентность художественного замысла. Самый уникальный факт, связанный с этой книгой, заключается в том, что в России она вышла раньше, чем в Сербии и западных странах. Но не будем слишком суровы к повествователю номер один: написав «Хазарский словарь», вполне можно отдохнуть и заняться любительским богословием. **ГАЗЕТА**

Милорад Павич

28.01.07